

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК

Среди немолчного городского шума, звона и грохота трамваев, автомобильных гудков медленно движется вереница людей. От площади Пушкина вдоль по Страстному бульвару, по Пушкинской улице к проезду Художественного театра идут люди: подростки, юноши и девушки, мужчины и женщины, седовласые старцы. Трамвай замедляет свой бег, шурша по асфальту шинами, останавливаются автомобили. Уже давно зажглись огни, и ночь раскинула над городом свой звездный шатер, а люди все шли и шли к этому зданию, словно поникшему в тяжелом горе. Здесь, среди багряных знамен, увитых черными лентами, среди благоухающих красных роз, пышных георгинов, нежных молочно-белых лилий лежал спящий непробудным сном великий артист Константин Сергеевич Станиславский.

Наследник Щепкина и друг Горького, неутомимый искатель правды, благороднейший рыцарь искусства, непримиримый враг всякой фальши и лжи, великий актер и режиссер, гениальный художник-реалист, не только указавший, но и проложивший путь к искусству будущего, — как много можно сказать о Станиславском, и все-таки этого будет мало, очень мало!

Значение художественно-творческой деятельности Станиславского колоссально и непреходяще. Он сочетал в себе громадный талант актера и организатора театра, глубокомыслие и методичность ученого-исследователя и огненную страстность борца, дерзновенную смелость новатора и дар провидения.

«Красавец-человек» — сказал о нем Горький. Вот вернейшая характеристика всего облика Станиславского, одним штрихом воссоздающая его образ. Для каждого, кто хоть раз в жизни видел Станиславского,

говорил с ним, — он неповторим, и обаяние его вечно.

Искусство строго. Оно не допускает фамильярности, неуважения к себе. Человек, который не проникается трепетным уважением к искусству, который не способен полюбить его всем сердцем, отдаться ему без остатка, никогда не будет художником.

«Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его, то-есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем иступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изысканная? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины?»

К. С. Станиславский мог бы повторить этот пламенный призыв Белинского, повторить от своего имени, ибо он любил театр до самозабвения, со всем пылом и страстью своей неуязвимой молодости. Семьдесят пять лет прожил на свете этот удивительный человек, но он не ведал старости. Для театра, для искусства он был молод по-прежнему, как 30 и 40 лет назад. Вот откуда и постоянная тяга Станиславского к молодежи, его любовь к юности, прекрасной и здоровой.

Станиславский писал о своих первых театральных опытах, что «...искусство казалось мне то легким, то трудным, то восхитительным, то нестерпимым, то радостным, то мучительным. И я не ошибался тогда. Нет большей радости, как быть у себя дома на сцене, и нет ничего хуже, как быть гостем на ней. Нет ничего мучительнее обязанности во что бы то ни стало воплощать чужое, смутное, вне тебя пребывающее. И по настоящее время эти противоречия то радуют, то терзают меня».

Здесь, как и во всем, что делал и говорил Станиславский, поражают кристальная

чистота чувства, правдивость ощущений и переживаний. О Станиславском можно сказать, что он никогда не лицемерил своему искусству. Великий искатель художественной правды, он находил ее после долгих и мучительных поисков, потому что и сам был живым олицетворением этой художественной простоты и правдивости.

У нас много и подробно пишут и говорят о системе Станиславского, о созданной и разработанной им системе воспитания актера. По существу, конечно, это уже больше чем система, это учение о театре, стройное, глубокое, являющее собой результат длительного развития искусства театра и науки об актере.

Но, как это нередко бывает, уже делались попытки фетишизировать систему Станиславского, живую творческую мысль его привести к сухому, мертвому догмату, практическим советам придать характер мистических замышлений. Может ли быть что-либо худшее, что можно было бы совершить по отношению к Станиславскому? Он ненавидел такие попытки, потому что они калечат, искажают то, что явилось плодом всей его жизни.

«Моя жизнь в искусстве», — быть может, самая выдающаяся книга об актере и театре, — насквозь проникнута духом самокритики, беспощадной, непримиримой к ошибкам и отклонениям от верного пути.

Изучая Станиславского, учась у него, никогда нельзя забывать о его постоянном стремлении к тому, чтобы искусство воплотило в себе «простое, сильное, глубокое, возвышенное, художественное и красивое выражение живого человеческого чувства».

Без этого нет и не может быть настоящего искусства, способного воспламенить

чувства людей, будить и обогащать их разум.

Как нищенски бедны по части идей и мыслей должны быть те люди, которые в системе Станиславского хотят найти некий ключ ко всем тайнам театрального искусства. Они не понимают как раз того, что искусство актера, музыканта, художника не есть совокупность тщательно разработанных технических приемов, что это область, связанная со всей многогранной и многосторонней жизнью человека.

Всего несколько месяцев назад, когда мы праздновали 75-летие со дня рождения К. С. Станиславского, народный артист СССР Л. М. Леонидов писал:

«Многие из деятелей искусства старшего поколения уже давно успокоились и живут за счет обретенного в годы молодости и творческой зрелости. Константин Сергеевич неутомим, он никогда надолго не удовлетворяется достигнутым, найденным. Вечно он в поисках, в непрерывном экспериментировании, он всегда впереди нас всех, иногда его образ, его мысль только еле уловимы для нас, и голос его доносится к нам как бы из туманного грядущего далека. Поэтому некоторые его не сразу понимают, смотрят на него с недоверием. Это те, что привыкли работать в своих обычных штампах. У Станиславского абсолютный слух не только к сценической, но и к жизненной правде».

Это глубоко правильно. Абсолютный слух не только к сценической, но и к жизненной правде — вот что является основой, фундаментом, жизненным принципом в художественной системе Станиславского и вот в чем причина блестящего успеха его дитя — Московского Художественного театра. Значение Станиславского огромно для всех искусств. Но понятно, что Станиславский — это прежде всего Художественный театр. Гордость советского театрального искусства, он был создан в сотрудничестве с А. П. Чеховым и А. М. Горьким. Этим определяются весь ход раз-

вития театра и весь последующий творческий путь К. С. Станиславского.

Приход Горького знаменовал собой идейный поворот театра. Об этом говорит и сам К. С. Станиславский, утверждая, что «главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре был А. М. Горький». Так в этом необычайном сотрудничестве гениальных русских художников создавался замечательный русский театр.

На протяжении 40 лет Художественный театр является любимым театром нашей страны. Великая Социалистическая революция раскрыла перед ним новые, необозримые широкие возможности и перспективы развития. Этот театр, носящий великое имя Горького, награжденный орденом Ленина, — бесспорно первейший и лучший театр в мире. О нем можно сказать: вот вершина художественной культуры, до которой еще никогда не поднимался ни один театр в мире, и это вершина русской культуры. Где еще имеется такое созвездие замечательных актеров? Нигде более. Здесь школа Станиславского, здесь нераздельно господствуют его творческие принципы.

Вместе со своим соратником В. И. Немировичем-Данченко К. С. Станиславский воспитал этот несравненный актерский коллектив. Именно в этом сказалась гениальность К. С. Станиславского как режиссера.

Режиссер-учитель, наставник, руководитель — вот идеал театрального режиссера, с такой необыкновенной силой воплощенный в К. С. Станиславском. Мировой театр знал актеров, равных Станиславскому и даже еще более значительных. Но режиссеров, подобных ему, не было еще никогда. Никто из учителей театра, ни в прошлом, ни в настоящем, не может равняться с К. С. Станиславским ни по силе дарования, ни по мастерству педагога и постановщика, ни по глубине и мощи теоретической мысли. Несомненно, что так называемые «режиссерские партитуры» Станиславского, ювелирно тонкие и де-

тально разработанные постановочные планы спектаклей войдут в историю театра как классические произведения режиссерского искусства.

Но все-таки, как ни драгоценно литературное и театральное наследие Станиславского, всего дороже нам люди, воспитанные Станиславским. Он оставил после себя множество учеников всех возрастов. Уже больной, надломленный тяжкими недугами, он пестовал советскую театральную молодежь, отдавая ей весь жар своего великого сердца. Заканчивая свой труд, он был больше всего озабочен тем, чтобы его работа была понятна молодежи, доступна ей. И театральная молодежь платила своему учителю нежной привязанностью, горячей любовью.

Скромный, как все истинно великие люди, К. С. Станиславский писал, заканчивая свою первую книгу: «Когда я оглядываюсь теперь на пройденный путь, на всю мою жизнь в искусстве, мне хочется сравнить себя с золотоискателем, которому сперва приходится долго странствовать по непроходимым дебрям, чтобы открыть места нахождения золотой руды, а потом промывать сотни пудов песка и камней, чтобы выделить несколько крупинок благородного металла. Как золотоискатель, я могу передать потомству не труд мой, мои искания и лишения, радости и разочарования, а лишь ту драгоценную руду, которую я добыл».

Еще долгие и долгие годы будем мы извлекать золото из этой волшебной руды, что становится тем богаче, чем больше над ней работают.

В. ВИКТОРОВ.